

УДК 316.453:159.922.4 (470)

РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

© 2013 г. Л. В. Низовцева

Южно-Российский государственный технический университет (НПИ)

Рассмотрены специфические особенности российского менталитета и системы ценностей. Показано, что российская культура выработала свое особое понимание смысла жизни, которое соотносится с другими существующими в культуре представлениями: о мире, о, добре и зле, об источнике добра и т. д.

Ключевые слова: *русская ментальность; русская культура; тип личности.*

In the article author reviews the peculiar features of the Russian mentality and system of values. It's shown that the Russian culture developed the special understanding of meaning of the life which corresponds to other representations existing in culture: about the world, oh, the good and evil, about a good source etc.

Key words: *Russian mentality; Russian culture; type of the personality.*

Как известно, проблема самобытности «русской души», вычленения ее главных характеристик и объяснения их происхождения, была одной из главных проблем русской философской мысли XIX–XX веков. Эту проблему рассматривали большинство российских мыслителей от П. Я. Чаадаева до П. А. Сорокина, включая А. С. Хомякова и других славянофилов, Н. Я. Данилевского, Н. Г. Чернышевского, В. О. Ключевского, В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, Н. О. Лосского и многих других.

В советский период, когда был взят курс на формирование новой исторической общности «советский народ», исследования национальной специфики отдельных народов, мягко говоря, не поощрялись. Ситуация изменилась в 1990-е годы. Российская национальная специфика оказалась в центре внимания философов, социологов, экономистов, историков, поскольку проводимые реформы натолкнулись на российскую ментальность, как корабль на рифы. Если в начале реформ проводимые преобразования, такие как разгосударствление собственности, введение многопартийности, свободных выборов и т. д., казались правильными и логичными, их считали движением к свободе и экономическому росту, то вскоре оказалась, что это

движение неизвестно куда. Свобода обернулась хаосом и произволом, а экономический рост — разрушением экономики, воровством и длительной стагнацией. Чтобы как-то все это объяснить, экономисты и социологи стали говорить о специфике российской ментальности и о русском национальном характере.

Одной из основных работ, наиболее полно раскрывающих данную тему, является работа К. Касьяновой [4]. Выделим основные выводы ее исследования, в которых, на наш взгляд, отражены главные черты русского национального характера.

По мнению К. Касьяновой, существуют два основных принципа, на которых строится та или иная культура: либо изменения и приспособления к себе окружающей среды, либо сохранения ее и приспособления себя к ней.

Первый принцип реализуется в настоящее время в западноевропейской и производных от нее культурах; там человек — борец, созидатель, преобразователь и эти качества превращены в ценность и эталон. И мы признаем и ценим эти качества, но в жизни реализуем, как правило, второй принцип, который выражается в таком хорошо известном качестве, как терпение.

Терпение — основа русского националь-

ного характера. Оно проявляется в большом и в малом и даже в мельчайшем. Спасение души напрямую связано с терпением: «за терпенье Бог дает спасенье», «Бог терпел, да и нам велел», «Терпенье и труд все перетрут» и т. д.

Важно выделить традиционное российское отношение к труду: труд нигде не ставится на один уровень со спасением и терпением. Труд относится к сфере земного, материального благополучия. Поскольку эта сфера не котируется высоко, то и труд не имеет высокой ценности. Здесь сказалось влияние православия.

В отличие от протестантизма, который видел в труде смысл и предназначение человека в мире и главное средство очищения его души, православие отрицало такое значение труда. «Не трудом, но прощением и смирением являет себя Бог». Труд в системе ценностей отводится явно подчиненное место. Это не означает, что трудолюбие не является ценностью, просто оно не рассматривается как главное, определяющее свойство личности.

В российской культуре не труд, а терпение, воздержание, самоограничение, постоянное жертвование собой в пользу других — это принципиальная ценность, определяющая статус человека, уважение к нему со стороны окружающих и самоуважение. В нашей культуре это качество приобретает особое значение и определяет почти все поведение и мировоззрение. Это наш способ делать дело, наш способ ответа на внешние обстоятельства, наш способ существования в мире и основа всей нашей личности.

Уже здесь четко видны основные отличия типа личности, формируемого традиционной российской культурой от западного. Именно выдвижение на первый план ценности труда и его соединение с аскезой, происходившее в эпоху Реформации, внесло важные изменения в западную культуру. Об этом, как известно, писал М. Вебер. Россия, к сожалению, своего Вебера пока не обрела, поэтому наши представления о российском национальном характере еще только формируются. Ясно одно — в России культура всегда направляла свои усилия на сдерживание индивидуализма, проявляющегося в простой формуле: «каждый сам за себя отвечает». В России человек был и остается частью целого. Но это

означает, что в России конкурентные отношения были приглушены, богатеть можно было своим трудом, а не за счет другого. Поскольку земледельческий труд был малопродуктивным, а результат зависел от различных природных факторов, то богатство с трудом напрямую не было связано. Богатеть можно было «с оборота капитала», т. е. с торговли. По российским понятиям это означало — «за счет другого». Терпение и самоограничение, соединенные с упорным трудом и ориентацией на себя, на Западе привели к богатству. В России терпение и самоограничение, связанные с трудом и ориентацией на других, привели к созданию того, что исследователи называют «нравственной экономикой» [5]. И дело здесь даже не в особом трудолюбии Запада, а в том, как используются результаты труда, что является целью трудовых усилий. В конечном счете, это упирается в проблему смысла, цели человеческого существования. Это также проблема добра и зла, поскольку добро и есть высшая цель, к которой стремимся.

Представление о добре является одной из важных характеристик культуры. Еще Н. Бердяев в работе «Смысл истории» обратил внимание на различие в представлениях о добре, существующих в античной и христианской культурах. Греки рассматривали добро как закономерное и необходимое свойство мира, следствие разумности, рациональности его устройства.

Совершенно другой ход рассуждения в христианстве. Природа сама по себе, в том числе и наша внутренняя природа, способна лишь осуществлять борьбу за существование, отвоевывая себе место под солнцем. Добро не накапливается в мире закономерно в результате функционирования законов природы, оно есть результат усилий и упорного труда человеческого духа. Но для того, чтобы такую работу произвести, человеческий дух должен быть свободен, не ограничен в своей деятельности слишком настойчивыми требованиями организма, «человеческой природы». Для этого «человеческую природу» необходимо контролировать, дать духу власть над ней. Бердяев пишет: «Христианская история освобождения человека от природы должна была привести к тому, что человек ушел во внутренний духовный мир, чтобы в

нем совершить какую-то огромную героическую борьбу с природными стихиями, чтобы преодолеть эту подвластность человека низшей природе и выковать человеческий образ, выковать свободную человеческую личность. Это великое дело, центральное в судьбе человека, было сотворено христианскими святыми» [2, с. 140–141].

Аскетизм и воздержание в христианской культуре рассматриваются как важнейшие ценности, основа жизни. В православии всякое наслаждение рассматривалось как грех, потому что наслаждение усиливает индивидуализм, уводит человека к себе самому, отрывает от других, чем и разрушается гармония целого. Напротив, посредством воздержания и самоотказа гармония поддерживается. Формируется прочное убеждение, что мир существует и правильно движется только нашими жертвами, нашим терпением, нашим самоограничением. К. Касьянова считает, что это очень разумная и правильная точка зрения на мир. В спокойное время она уходит в нашем сознании на второй план, зато в период испытания, когда незащищенность и мимолетность нашего существования становится очевидной, мы возвращаемся к ней, и она стабилизирует наше мироощущение и дает силы переносить непереносимое [4, с. 121].

Влиянием древней культуры, считающей тягу к наслаждениям чем-то греховным, объясняется неодобрительное отношение к яркой красочности, открытым проявлениям веселости, уверенности в себе. Сдержанность, бесстрастность, мужественность, серьезность и сосредоточенность — именно эти качества воспитываются нашей культурой. Терпение и страдание — способ формирования личности, выработки сильного духом характера. Это вошло в нашу культуру, прочно усвоившую христианство.

Таким образом, христианская православная культура рассматривала добро как результат самоограничения и самопожертвования, как способность жертвовать собой ради других, ради целого. В переводе на язык обычной жизни это означает нежадность, бескорыстие, способность делиться, т. е. отсутствие эгоизма. Если сравнить представления о добре в российской культуре с теми, которые формировались в Новое время на Западе, то нельзя не отметить их существенные разли-

чия. Во-первых, уже у Локка представления о добре и зле релятивизируются, утверждается, что добро и зло относительны, действует принцип «кому что нравится», т. е. представления о добре — дело вкуса, индивидуальных предпочтений. В противоположность принципу самоограничения и самопожертвования утверждается принцип приоритета собственных потребностей. Формируется представление о том, что если каждый будет делать хорошо себе, то тогда будет хорошо всем. Помощь другому рассматривается как зло, поскольку считается, что она развращает и плодит иждивенцев.

В конечном счете, представления о добре и зле выражают определенное отношение к миру и понимание своего места в мире.

Христианство сохранило древнее отношение человека к миру и к самому себе. Мир не нами создан, это наше временное пристанище и к нему надо относиться с уважением и терпением. Ощущение временности существования человека в мире отодвигает на второй план всякую деятельность, связанную с обеспечением материального благосостояния, устройства в этом мире. Этим определяется важная черта русского национального характера: отсутствует стремление что-либо менять без крайней необходимости. Всякие изменения обычно спровоцированы у нас внешними обстоятельствами, давлением внешних факторов и сводятся к поверхностным изменениям, не затрагивающим внутреннего слоя.

В отличие от этого в западной культуре формировалось другое отношение к миру и к жизни. Со времен Бэкона и Гоббса утверждается идея покорения природы, господства над природой, изменения ее в соответствии человеческими потребностями: «Природа не храм, а мастерская и человек в ней работник». Гоббс уже в XVII веке сравнивал мир с часовым механизмом. В дальнейшем этот механистический подход к миру становится общепризнанным.

Что касается представления о человеке и его существовании, то здесь также уместно вспомнить Гоббса, который сравнивал жизнь с соревнованиями в беге.

Еще одно важное различие российской и западной культур. Российская культура стремится к равновесию, к сохранению ста-

тус-кво, западная — к постоянному нарушению равновесия, к движению и изменению. Равновесие, согласованность частей, когда каждый находится на своем месте, в традиционной культуре (в Древней Греции, Китае, средневековой Европе) рассматривалось как идеальное состояние, обеспечивающее справедливость. Отсюда невероятная трудность и сложность реформирования традиционной культуры, она очень сильно сопротивляется всякому изменению. Когда же, наконец, происходит сдвиг, он становится разрушительным, ломая сами основания культуры.

Важная черта западной ментальности — релятивизация представлений о добре и зле. Но именно эти представления делают народ единым целым, являются одной из важнейших составляющих в структуре идентичности [6]. Источник добра включает в себя Мы-образ, но это образ, который может быть разной степени общности. Релятивизация представлений о добре и зле приводит к тому, что Мы-образ распадается на множество отдельных Я, каждое из которых преследует свои собственные интересы, а взаимодействуют они по правилам рынка. От другого бессмысленно ожидать, что он будет поступать в соответствии с христианскими принципами добра, поскольку господствующими в обществе становятся правила рынка, которые противоположны христианской морали, поскольку в их основе — стремление к выгоде.

В нашей культуре существует убеждение, что добро — это взаимопомощь. Добро создается самоограничением, самоотречением ради других. Так говорит нам наше моральное чувство. И занятый устройством только своих дел человек ощущает, что живет «неправильно». В этом и есть, видимо, основное различие культур России и Запада. У нас пока еще сохраняется чувство единства, ощущение «Мы», которое заставляет нас соучаствовать в делах другого. Выражение «это твои проблемы» появилось у нас совсем недавно. Оно свидетельствует о том, что в нашей культуре происходят значительные изменения. По существу западный индивидуализм в своей основе имеет представление о другом как конкуренте в жизненной борьбе. Другой не «свой», не часть общего «Мы», где все друг друга поддерживают. Он нечто отдельное, самостоятельное, со своей жизнью и своими

проблемами. Поэтому проблемы все друг от друга скрывают, а выставляют напоказ то, что можно выгодно «продать». Выгода в рыночном обществе становится главной целью и часто возводится в ранг смысло-жизненной ценности.

Российская культура выработала свое особое понимание смысла жизни, которое, естественно, соотносится с другими существующими в культуре представлениями: о мире, о добре и зле, об источнике добра и т. д. Главное в этом представлении то, что человек не центрирован на себя и свои потребности, не отделен от мира, не противопоставит ему как чуждому и враждебному, не стремится подчинить его своей воле. Западный индивид со времен Гоббса видел свою цель в самосохранении, удовлетворении собственных потребностей и в этом он должен был конкурировать с другими, преследующими те же цели. Когда человек считает себя верховной ценностью, а главной целью — удовлетворение собственных потребностей, он становится копилкой переживаний, различных эмоций, ощущений, чувств, причем всех без разбора. Об этом, в частности, пишет З. Бауман, называя современного индивида охотником за ощущениями [1]. Но чувственность скоро притупляется и наступает опустошение, т. е. ничего другого больше нет.

Когда же человек не является для себя верховной и последней ценностью, когда он существует для чего-то, для мира, он находит в нем опору, занимает в нем определенное, свое место. На этом месте человек становится частью самого мира, космоса, взаимодействует с ним. Когда человек это место находит, то про него говорят, что он «нашел себя». Он «встроился» в мир, он «при деле». Во всех других случаях он суетится, что-то делает, переживает, но живет как бы «в пустоте». Если человек «нашел себя», свое место в мире, его действия становятся ценностно обоснованными, обретают смысл. Те цели, которые он достигает, нужны не только ему, но и миру. Это придает им вес, устойчивость, значение. Такого человека трудно «выбить из колеи», ему не придет в голову страшный вопрос: «а зачем все это нужно, то, что я делаю?». Он знает, для чего он.

К. Касьянова отмечает, что человек, который себя «не нашел», может ставить себе лю-

бые цели и добиваться их осуществления. Но у него нет уверенности, что именно этих целей и следует добиваться, что они стоят того, чтобы на них потратить свою жизнь. Он не может выделить главное, у него нет критерия для этого. И вопрос: зачем все это нужно — постоянно возникает где-то в подсознании и сковывает все его действия. Внешне его жизнь может выглядеть вполне нормальной, но он постоянно ощущает отсутствие в ней чего-то важного, впадает в тоску, в депрессию или начинает лечиться алкоголем.

Раньше уверенность в прогрессе, в том, что все неуклонно улучшается избавляла нас от необходимости думать о смысле нашей жизни, избавляла от ответственности. Нынешнее крушение веры в прогресс вновь поднимает эти вопросы. Бессмысленность жизни при отсутствии успокоительной веры в прогресс и «светлое будущее» оказывается не только неприятной и обременительной для человека. Она становится причиной безответственного поведения, которое порождает чувство вины.

Западная культура проблему ценностного обоснования действий человека, в общем, снимает. Преобладающим становится действие целерациональное, как показал еще Вебер. Индивид «встраивается в мир» через рынок, который удостоверяет осмысленность его действий, если эти действия вознаграждаются. В противном случае действия бессмысленны. Можно делать все, что угодно, если это продается. Например, можно быть успешным разработчиком видеоигр для детей с элементами жестокости и насилия: они пользуются повышенным спросом. При этом вопрос о нравственном смысле обычно не возникает, поскольку отсутствуют достаточно четкие критерии добра и зла. В рыночном обществе место добра занимает польза, «добром» можно считать то, что удовлетворяет потребности. Точкой отсчета становится отдельный индивид, выше которого нет ничего. Единственной высшей ценностью становится свобода, создание нового.

С точки зрения традиционной культуры существует мир, который выше отдельного индивида. Сохранение и совершенствование этого мира и есть высшая цель.

Свобода и творчество дают человеку действительное и полноценное самоутвержде-

ние только тогда, когда они вкладываются в нечто большое и вечное. Используемые же ради самоутверждения, они не дают самоутверждения. Человек, для которого высшая ценность он сам, начинает видеть только себя, проявляет внимание только к тому, что выделяет его, делает непохожим на других, оригинальным, уникальным. Силы души начинают расходоваться только на то, чтобы утвердить свою уникальность, показать ее всем, вызвать в других удивление, убедить их в своей особенности, отдельности. Все отстаивают себя против всех, а в мире в итоге происходит распадение, атомизация. К концу новой истории человек переживает глубокое одиночество, покинутость, оставленность, говорит Бердяев.

Необходимо отметить, что все выделенные черты русского национального характера есть некий «идеальный тип», то, что «должно быть», образец у которого достаточно сложные отношения с реальностью, тем более, с реальностью современной. Напомним, что уже Н. Бердяев говорил о противоречивости как главной черте русского национального характера.

Н. А. Бердяев полагал, что «в основу формации русской души» легли два противоположных начала: «природная, языческая дионисическая стихия и аскетически-монашеское православие» [3, с. 44]. Именно в этом он видел историческую причину того, что русский народ в высшей степени поляризован и совмещает противоположности: деспотизм и анархизм, жестокость, склонность к насилию и доброту, смирение и наглость, рабство и бунт и т. п.

Культурный образец, накладываясь на повседневность, создавал определенный синтез, достаточно противоречивый и неустойчивый. Кроме того, этот русский культурный архетип до настоящего времени все еще находится в процессе осмысления, не представлен в отрефлексированном виде как образец, на который следует ориентироваться.

Традиционная российская культура не имела своего Локка, который выразил бы в понятийной форме на уровне разума то, что существовало в ней на уровне чувств, переживаний, настроений. А именно в этой форме российская культура существовала на уровне массового сознания. Отношение

к миру, к жизни, к другому скорее переживалось, чем мыслилось, и воспроизводилось из поколения в поколение на уровне переживания. Российская интеллигенция не смогла поднять эти переживания до уровня рассудка и закрепить их в вербальной форме как совокупность определенных принципов. Отчасти она сумела выразить их в художественной литературе и в религиозно-философских системах. Но массовое сознание в России во второй половине XIX века оказалось без четких ориентиров собственной культуры, поскольку интеллигенция не смогла определиться с целями и продолжала затянувшийся спор западников и славянофилов. Этот спор продолжается и сейчас.

Литература

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. — М.: Логос, 2002.
2. Бердяев Н. А. Смысл истории. — Париж: ИМКА-Пресс, 1969.
3. Бердяев Н. А. Русская идея. // О России и русской философской культуре. — М.: Наука, 1990.
4. Касьянова К. О русском национальном характере. — М.: ИНМЭ, 1994.
5. Козлова Н. Н. Социально-историческая антропология. — М.: Ключ-С, 1999.
6. Лурье С. В. Историческая этнология. — М.: Аспект пресс, 1998.

Поступила в редакцию

5 апреля 2013 г.

Лариса Владимировна Низовцева — кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия и право» Южно-Российского государственного технического университета (НПИ).

Larisa Vladimirovna Nizovtseva — Ph.D., Candidate of Philosophy, docent at the Philosophy and Law department of the South-Russian State Technical University (NPI).

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел: +7 (8635) 25-54-27; e-mail: sophiya_npi@mail.ru